

Минаева Татьяна Васильевна

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья раскрывает особенности применения труда русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Автор статьи акцентирует внимание на специфике размещения работающих пленных, сферах их занятости, способах привлечения пленных к исполнению работ, особенностях законодательства относительно использования труда вражеских военнопленных, а также указывает на значение труда пленных для экономики этих стран в условиях войны. Автор приходит к выводу, что использование труда военнопленных позволило Германии и Австро-Венгрии не только восполнить нехватку рабочих рук, но и компенсировать все расходы на содержание пленных.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 131-135. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(100)«1914/1918»:355.257.7(=161.1)

Исторические науки и археология

Статья раскрывает особенности применения труда русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Автор статьи акцентирует внимание на специфике размещения работающих пленных, сферах их занятости, способах привлечения пленных к исполнению работ, особенностях законодательства относительно использования труда вражеских военнопленных, а также указывает на значение труда пленных для экономики этих стран в условиях войны. Автор приходит к выводу, что использование труда военнопленных позволило Германии и Австро-Венгрии не только восполнить нехватку рабочих рук, но и компенсировать все расходы на содержание пленных.

Ключевые слова и фразы: плен; труд русских военнопленных; рабочие команды; занятость пленных; законодательное регулирование труда военнопленных; Первая мировая война.

Минаева Татьяна Васильевна

*Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, Украина
t.minaeva@email.ua*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[©]

В истории войн Первая мировая занимает особое место, отличаясь от всех предыдущих беспрецедентными масштабами военных действий и разрушений, огромным количеством жертв, использованием новых видов оружия массового поражения. Её последствия были поистине ужасающими, ибо привели к политическому, экономическому, социальному и духовному кризису в развитии не только Европы, но и человечества в целом.

Как верно отметил современный черновицкий исследователь А. Сыч, война – это не только сухая статистика, как ужасающе бы она не выглядела, война – это, прежде всего, человеческие судьбы, а жертвы Первой мировой войны складывались из «миллионов конкретных людей с их неповторимой индивидуальностью, собственной судьбой, свойственными только им переживаниями, болями и надеждами» [17, с. 109]. Значительная часть этих жертв – это военнопленные. В годы Первой мировой войны несколько миллионов человек прошли через лагеря стран Антанты и Четверного союзов, причем приблизительно 2,5 млн из этого числа составили пленные солдаты и офицеры русской армии. Размещение и обеспечение такого огромного числа людей стало серьезной проблемой для правительств Германии и Австро-Венгрии, одним из решений которой стало их трудовое использование.

Впрочем, несмотря на то, что такое массовое использование труда военнопленных было впервые отмечено именно в годы Первой мировой войны, эта тема вплоть до настоящего времени не получила должного внимания со стороны исследователей, за исключением отдельных работ (см., например: [7-8; 14; 21]). В основном же вопрос трудовой занятости военнопленных рассматривается лишь в общем комплексе вопросов, связанных с пленом в годы Первой мировой войны. Между тем проблема, несомненно, заслуживает пристального изучения, а существующая источниковая база дает возможность исследовать самые разные ее аспекты (см., например: [2-4; 6; 10; 13; 15-16; 18]). В данной статье автор постарается кратко осветить основные моменты использования труда русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии в обозначенный период.

Вопрос о возможности применения труда пленных поднимался еще на Гаагских конференциях 1899 г. и 1907 г. В частности, статья 6 «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» Гаагской конвенции 1907 г. гласила: «Государство может привлекать военнопленных к работам, сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям... Заработок пленных назначается на улучшение их положения, а остаток выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию» [15, с. 24].

В начале Первой мировой войны, когда еще не было конкретных планов по использованию труда пленников, последние выполняли различные работы в местах их содержания: возводили ограждения, строили казармы, убирали территорию, помогали на кухне; фельдшера отправлялись в больницы и лазареты, была работа для портных, сапожников, плотников, резчиков и т.п. [19, S. 172]. Необходимость трудовой занятости вражеских пленных объяснялась тезисом германского Генштаба: «работа предохраняет от излишеств и полезна с санитарной точки зрения» [1, с. 15]; там же отмечалось, что работа «не должна быть вредна для здоровья и не должна носить унижительного характера» [Там же].

Общее положение о трудовой занятости пленных было утверждено в Германии 17 октября 1914 г. Впоследствии был издан ряд распоряжений и дополнений касательно работ, которые могли выполнять пленники, с подробной регламентацией по обращению с ними, оплаты за труд, их размещения и т.п. [19, S. 173-189]. В Австро-Венгрии положение русских пленных на работах регулировалось особыми постановлениями, кодифицированными в сводке правил Военного министерства от 1 марта 1916 года. Во введении к этим правилам говорилось: «Настоящие правила имеют целью полное использование труда военнопленных для нужд

народного хозяйства. Для достижения этой цели военнопленные посылаются на те работы, которые наиболее необходимы и неотложны в интересах всего государства» [Цит. по: 5, с. 268]. Таким образом, на законодательном уровне утверждалась необходимость максимального использования труда военнопленных, что послужило прямым руководством к действию на местах.

Впрочем, следует заметить, что в Германии в начале войны использование труда военнопленных в массовом порядке не планировалось из-за существующей в стране безработицы. С конца августа – начала сентября 1914 г. пленных привлекали лишь к сельским работам, в выполнении которых местное население было мало заинтересовано. Однако уже в начале 1915 г., когда начала ощущаться нехватка рабочей силы и в других отраслях, ее недостаток был ликвидирован за счет образования т.н. «рабочих команд», в которые массово начали переводить военнопленных [7, с. 130]. Первоначально планировалось формировать группы по 1 тыс. человек, однако из-за неспособности подготовить заранее достаточное количество соответствующих жилых помещений для пленных, уже в начале 1915 г. было дано разрешение на размещение небольших групп по 50-100 человек [21, S. 75-76]. В т.н. «основные лагеря» заселялись только нетрудоспособные, унтер-офицеры и освобожденные от работ пленные, тогда как подавляющее большинство пленников размещались там, где находилось их место работы, – в небольших лагерях рабочих команд или поодиночке в домах работодателей [Ibidem, S. 86]. И если вначале обязательным требованием было пребывание сформированных команд в ночное время в специальных рабочих лагерях под охраной, то уже к концу 1915 г. военнопленных начали часто направлять в крестьянские хозяйства без конвоя, где они оставались и на ночлег [Ibidem, S. 82-84].

В связи с нарастанием дефицита рабочих рук уже с февраля 1915 г. прусское военное министерство занялось сбором специальной информации: на каждого солдата, попавшего в плен, заводилась карточка со сведениями о его квалификации и работоспособности. В специальных «проходных лагерях» (где пленные проходили дезинфекцию и получали вакцинацию) солдат опрашивали относительно их профессиональной занятости до призыва в армию. Обученных шахтеров, слесарей и инженеров сразу же направляли на работу на крупные предприятия, а крестьян и чернорабочих – в сельхозугодья, на шахты, на строительство дорог или на работы в прифронтовую зону. Кроме того, проводились особые краткосрочные курсы по подготовке специалистов для восполнения недостатка рабочих рук в различных отраслях немецкого хозяйства (см. подробнее: [12, с. 202-204]). Благодаря такой политике в Германии и Австро-Венгрии уже с весны 1915 г. удалось решить проблему перенаселения в лагерях, поскольку большинство пленных, будучи приписанными к тому или иному лагерю, фактически размещались незначительными партиями по рабочим командам. Например, сестра милосердия Шуберская, объехавшая со специальной миссией летом 1916 г. лагеря и рабочие места русских пленных в Германии, в своем дневнике зафиксировала такие данные: к солдатскому лагерю Нойберг было приписано 13 тыс. пленных, а на момент ее приезда присутствовали лишь 2 тыс. 650 человек; к лагерю Альтдам было приписано 19 тыс. 765 пленных, а присутствовало 4 тыс. 160 человек, к солдатскому лагерю Шнейдемюле приписано 53 тыс. пленников, в наличии было около 2 тыс. человек и т.п. [18, с. 5-6, 17-19]. В Австро-Венгрии во второй половине 1915 г. в среднем лишь 30-40% военнопленных находилось в лагерях, все остальные были разосланы по рабочим местам [20, S. 95].

Работы, исполняемые пленными, согласно данным сестры милосердия Романовой, подразделялись на три группы: 1) правительственные (дорожные, гидротехнические, строительные), на которые посылали партии численностью от 200-300 до 1000 тыс. человек; 2) общественные, фабричные и сельскохозяйственные (работа на фабриках, заводах, железных дорогах и т.п.), куда отправляли пленных партиями от 30 до 100 человек; 3) служба у частных лиц [5, с. 272-274]. Как видим, рабочие из числа пленных использовались практически во всех отраслях экономики Германии и Австро-Венгрии. При этом со временем власти последних пришли к выводу о необходимости увеличения производительности их труда.

В Германии уже в конце 1916 г. – начале 1917 г. появились соответствующие распоряжения. Рычагом для повышения продуктивности труда, согласно указаниям, должны были служить не принуждение, а должное обращение, улучшение условий содержания и питания, возможное премирование за надлежащее выполнение работы. В то же время существовали дисциплинарные наказания за отказ выполнять работу (см. подробнее: [21, S. 91-93]). Иными словами, предлагалось использовать принцип «кнута и пряника». И это действовало. Один из пленных, например, отмечал, что производительность работ была низкой, если пленных ничем не поощряли. В то же время при малейшем поощрении пленники с энтузиазмом выполняли работу, поскольку «фунт хлеба или четырехкопеечная пачка табаку были для многих пленных целым богатством, так как, ничего не зарабатывая и не получая денег и посылок из дому (а таких у нас были тысячи), они медленно и мучительно умирали от истощения» [6, с. 61].

Кроме распоряжений об увеличении производительности труда пленных, 16 мая 1917 г. немецкими властями было принято решение расширить список работ, к которым могли привлекать военнопленных, с размытой формулировкой избегать работы, «если их военный характер ярко выражен» [11, с. 131]. Тем самым фактически снималось ограничение на виды работ, исполняемых пленными, что аргументировалось следующим образом: «важнее, чем все международное право, теперь, когда нашему народу угрожает война на “измор”, потребность самосохранения! Это означает, что на всех и любых работах, которые нам необходимы, мы используем военнопленных» [Цит. по: 7, с. 134]. Поощрением к выполнению тех или иных видов работ служило денежное вознаграждение в размере 20-30 пфеннигов. Световой день должен был использоваться как можно полнее (даже обед предполагалось привозить непосредственно на рабочие места, чтобы пленники не тратили время на дорогу) (см. подробнее: [7, с. 134-135; 20, S. 116-118]). В октябре 1918 г. было

издано очередное распоряжение, гласившее: «Поставленный на работу военнопленный должен всю свою силу отдать в распоряжение работодателя... Ограничение рабочего времени определенным числом часов не существует. И в ночное время, а также и в воскресенье, и праздничные дни работа должна продолжаться, если это требуется» (приказ по лагерю Траунштейн от 16 октября 1918 г.) [Цит. по: 5, с. 36].

Хотелось бы отметить и еще один момент. В начале войны в Германии и Австро-Венгрии наблюдалось крайне строгое отношение к пленным. Но уже к концу войны в Австро-Венгрии, например, произошло существенное смягчение отношения к военнопленным со стороны (по крайней мере, некоторых) работодателей, позволявших пленникам недалекие поездки без охраны и нередко обеспечивавших их гражданской одеждой, что практически исключало идентификацию их как военнопленных. В сентябре 1917 г. имперское МВД издало распоряжение, в соответствии с которым пленным без сопровождения запрещалось продавать проездные билеты на станциях. При поездке железнодорожным транспортом пленники должны были придерживаться следующих инструкций: ехать в сопровождении, иметь на одежде опознавательные знаки белой полосы, в виде учетного номера или, по крайней мере, соответствующего головного убора, а работодатели предупреждались, что при несоблюдении предписаний они будут лишены рабочих [2, д. 12868, л. 1-2]. Вообще же, условия содержания пленных и обращения с ними существенно варьировались. На сельскохозяйственных работах практиковалось мягкое, нередко отеческое отношение к пленникам, на промышленных предприятиях – жесткое, и даже жестокое, пленных использовали практически на износ.

В целом продолжительность рабочего дня для пленных колебалась от 8 до 20 часов, однако в среднем составляла 12 рабочих часов (в процентном соотношении 12-часовая рабочая норма составляла 48,8% в Германии и 59,0% в Австро-Венгрии от общей продолжительности рабочего дня) [20, S. 331].

Средний размер дневной заработной платы составлял в Германии 30 пфеннигов, в Австро-Венгрии – 31 геллер, что равнялось российским 15 копейкам (см. подробнее: [5, с. 76]). В Австро-Венгрии такую оплату получали 91,6% работающих военнопленных [22, р. 191]. Именно такая средняя продолжительность рабочего дня и средний размер дневного заработка военнопленных были зафиксированы в соответствующих соглашениях между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией – с другой. Только в последний период войны размер однодневной заработной платы был повышен в Германии до 50 пфеннигов, в Австро-Венгрии – до 50 геллеров [20, S. 187]. Отметим, что предприниматель, который хотел получить рабочих из числа пленных, платил в казну государства за такого рабочего, согласно существовавшей тарификации, как за своего гражданского работника. При этом в Германии из этих средств казна выдавала пленнику лишь $\frac{1}{4}$ от общей суммы, а $\frac{3}{4}$ оставляла себе в качестве компенсации расходов на его содержание [16, д. 1116, л. 22]. Благодаря этому удалось компенсировать все государственные расходы на содержание пленных.

Труд военнопленных ценился высоко, поскольку это давало возможность хоть немного возместить нехватку рабочей силы. Например, высоко оценивал роль труда русских военнопленных немецкий военачальник Э. Людендорф, который писал: «Для всей нашей экономики военнопленные значили чрезвычайно много; без большого числа русских, захваченных на Восточном фронте, германская экономика не смогла бы как следует функционировать» [9, с. 153]. Эти слова являются еще одним подтверждением важности труда пленных для воюющих государств.

Стоит отметить, что часто военнопленные сами изъявляли желание пойти на работу, прежде всего в сельскохозяйственный сектор, где и отношение было лучше, и питание сытнее. Так, пленный Моисеенко вспоминал, что в лагере на работу смотрели, как на возможность избавиться от голода и избиений. Когда начали отбор на сельскохозяйственные работы, от желающих не было отбоя. И если вначале немцы брали на работу только тех, кто имел свою одежду, то со временем стали брать всех, даже физически слабых [10, с. 44-45].

Кроме вышеуказанных сфер деятельности, пленных принуждали к выполнению работ, направленных на удовлетворение военных нужд в целом: их отправляли на военные заводы, заставляли рыть окопы, ремонтировать укрепления и т.п., хотя это и было прямым нарушением международных норм Гааги (см. подробнее: [13]). Частыми бывали случаи, когда военнопленные отказывались ехать на фронтовые работы или на заводы военного характера. Однако для упрямых существовало много способов принуждения: их лишали пищи, избивали, заковывали в цепи, травили собаками, ранили штыками, иногда наиболее строптивых расстреливали (см. подробнее: [Там же, с. 11-49]).

В Австро-Венгрии уже в августе 1915 г. было издано распоряжение, которым предусматривалось использование пленников на работах военно-оборонного характера. Согласно предписанию, «военнопленные сначала приглашаются исполнить таковые за денежное вознаграждение. В отношении тех, которые не пожелают добровольно откликнуться на предложение, должны быть использованы все меры убеждений, а в случае их недейственности – угрозы с объяснением тяжких последствий отказа. Наиболее упорствующие наказываются соответствующим числом палочных ударов и подвешиванием к столбу до тех пор, пока они не согласятся работать. Те пленные, которые своим примером и устным воздействием вызовут среди товарищей открытое возмущение или упорное пассивное сопротивление, могут быть расстреляны» [Цит. по: Там же, с. 8].

Даже после заключения мира на Восточном фронте труд русских пленных продолжали использовать, поскольку прекращение работы пленных угрожало Германии и Австро-Венгрии экономическим коллапсом. Для поощрения использовались различные способы. В Австро-Венгрии, например, в апреле 1918 г. было издано распоряжение, согласно которому русские военнопленные в оплате труда приравнялись к гражданским рабочим в соответствующей сфере занятости. Удержания из заработной платы должны были идти только на продукты питания, которыми обеспечивал работающих пленников работодатель. Минимальная

заработная плата устанавливалась в 1 крону за рабочий день в сфере сельского хозяйства и 2 кроны – во всех других отраслях. Обращалось внимание, что пленные, которых поймают при попытке побега с работы, будут подвергнуты более строгим условиям содержания, вплоть до прекращения наличных выплат до момента отправки на родину [3, д. 32424, л. 2-5].

Относительно личных свобод отмечалось, что военнопленные имели право на посещение кино и театра в сопровождении во время обеденного перерыва или после работы. Посещение танцев не разрешалось. После 9 часов вечера и до 6 часов утра пленные должны были находиться в казарме или ином месте их расквартирования. Поездки на поезде без сопровождения, участие в демонстрациях строго запрещались. В распоряжении указывалось, что все военнопленные должны быть оповещены о том, что каждый, кто самовольно покинет рабочее место, чтобы уехать домой или в лагерь, или провинившиеся после 15 марта как недовольные работой или непокорные, будут репатрированы в последнюю очередь.

Страхования военнопленных от несчастных случаев не было, любые претензии по этому поводу, а также причинение вреда с помощью оружия, могло предъявлять только государство, подданным которого был военнопленный [Там же, л. 5-7]. При этом уже в первом пункте распоряжения о военнопленных отмечалось, что «после заключения перемирия с Россией и Украиной... (военнопленные – Т. М.) еще не должны рассматриваться как свободные, так как Гаагская конвенция требует не освобождения военнопленных при заключении мира, а лишь их скорейшей репатриации» [Там же, л. 2]. В итоге даже после заключения мира на Восточном фронте русские военнопленные продолжали работать, поскольку это было напрямую связано с их продовольственным обеспечением [4, д. 1620, л. 111].

Как видим, использование труда пленных уже к концу первого года войны стало обычной практикой, захваченные пленными были практически полностью включены в трудовой сектор Германии и Австро-Венгрии. Об этом свидетельствуют следующие данные: за годы войны к выполнению разнообразных работ было привлечено в Германии 90%, в Австро-Венгрии 95% от общего количества русских пленных [20, S. 331]. Например, в Германии на конец 1917 г. из 1 млн 200 тыс. российских пленных 650 тыс. (54%) были заняты в сельском хозяйстве и лесничестве, 230 тыс. (19%) – в индустрии, 205 тыс. (17%) – на предприятиях оккупированных территорий и прифронтовой зоне; остальные 115 тыс. (10%) составляли офицеры и нетрудоспособные солдаты [11, с. 129].

Таким образом, Первая мировая война породила сложные проблемы, требовавшие незамедлительного решения. Одна из них – судьба и положение военнопленных, количество которых в Германии и Австро-Венгрии исчислялось миллионами. Подавляющее их большинство составляли русские, захваченные в плен на Восточном фронте, преимущественно на протяжении первого года войны. Предусмотренных мест для их содержания катастрофически не хватало. Решить эту проблему удалось за счет массовой занятости военнопленных в народном хозяйстве и размещения их вблизи соответствующих мест применения труда. Русские военнопленные использовались практически во всех сферах экономики, но преимущественно – в сельском хозяйстве. В результате такого интенсивного использования труда военнопленных правительствам Германии и Австро-Венгрии удалось, во-первых, частично возместить нехватку собственных трудовых ресурсов, во-вторых, в некоторой степени стабилизировать экономику своих стран и, в-третьих, компенсировать все расходы по содержанию вражеских пленных.

Список литературы

1. **Военные обычаи в сухопутной войне. Составлено германским Генеральным Штабом в 1902 г.** / пер. с нем. Генерального Штаба полковник Михельсон. СПб.: Военная типография, 1904. 76 с.
2. **Государственный архив Черновицкой области (ГАЧО).** Ф. 3. Оп. 1.
3. **ГАЧО.** Ф. 3. Оп. 2.
4. **ГАЧО.** Ф. 4. Оп. 7.
5. **Жданов Н.** Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. М., 1920. Ч. I-III. 376 с.
6. **Левин К.** Записки из плена. Изд-е 3-е. М., 1931. 220 с.
7. **Ленцен И.** Использование труда русских военнопленных в Германии (1914-1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129-137.
8. **Липина С. А.** Использование труда военнопленных как попытка частичного возмещения трудовых ресурсов в дореволюционный период Первой мировой войны (по материалам Вятской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. I. С. 65-70.
9. **Людендорф Э.** Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914-1918. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. 351 с.
10. **Моисеенко И.** В плену у немцев. М.: Типография Штаба Московского военного округа, 1916. 55 с.
11. **Нагорная О. С.** «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
12. **Нагорная О. С.** «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: военный плен Первой мировой войны как процесс обучения // Новое литературное обозрение. 2008. № 5. С. 196-214.
13. **Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии (по дополнительным сведениям).** Пг., 1917. 49 с.
14. **Ниманов Б. И.** Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914-1917 годах в Поволжье: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2009. 24 с.
15. **Приложение к IV гаагской конвенции 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны** // Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных / сост. Г. П. Альбат. М., 1917. С. 23-32.
16. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1276. Оп. 11.

17. **Сыч А. И.** О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. № 11-12. С. 109-113.
18. **Шуберская Е. М.** Дневник командировки в Германию для осмотра русских военнопленных в июле-октябре 1916 года. Пг., 1917. 19 с.
19. **Doegen W.** Kriegsgefangene Völker. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1921. Bd. I. Der Kriegsgefangenen Haltungen und Schicksal in Deutschland. 263 S.
20. **Moritz V., Leidinger H.** Zwischen Nutzen und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Österreich (1914-1921). Bonn, 2005. 384 S.
21. **Oltmer Jo.** Unentbehrliche Arbeitskräfte. Kriegsgefangene in Deutschland 1914-1918 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Paderborn – München – Wien – Zürich, 2006. S. 67-96.
22. **Vinogradov S.** Russian Prisoners-of-War in the Yugoslavian Regions of Austria-Hungary, Serbia and Montenegro, 1914-1918 // WWI and the XXth Century. Acts of the International Conference of Historians (Moscow, 24-26 May, 1994). М., 1995. P. 190-193.

THE RUSSIAN PRISONERS OF WAR LABOUR USE IN GERMANY AND AUSTRIA-HUNGARY DURING WORLD WAR I

Minaeva Tat'yana Vasil'evna

*Chernovtsy National University named after Y. Fed'kovich, Ukraine
t.minaeva@email.ua*

The author reveals the features of the Russian prisoners of war labour use in Germany and Austria-Hungary during World War I, pays special attention to the specificity of working prisoners allocation, the spheres of their employment, the ways of prisoners attraction for work execution, the features of the legislation regarding enemy prisoners of war labour use, also emphasizes the significance of prisoners of war labour for the economy of these countries under the war conditions, and comes to the conclusion that the use of prisoners of war labour allowed Germany and Austria-Hungary not only supplying labour shortages, but also compensating all prisoners living expenses.

Key words and phrases: captivity; Russian prisoners of war labour; work teams; employment of prisoners; legal regulation of prisoners of war labour; World War I.

УДК 37.013.42(045)

Педагогические науки

В данной статье рассмотрены основные положения философско-педагогической системы В. В. Зеньковского – русского философа, педагога, психолога, видного деятеля общественно-педагогического движения российской эмиграции. Ставится задача раскрыть взаимосвязь философии, педагогики, психологии, богословия, культурологии и литературы, на основе которой дается антропоцентрическое понимание проблемы человека и его воспитания. Особое внимание уделяется вкладу ученого в развитие русской психологической науки, выявлению воздействия различных факторов социальной среды на развивающуюся личность ребенка.

Ключевые слова и фразы: философско-педагогическая система; принцип личностной ориентации; принцип индивидуализации; иерархическая структура личности; воспитание; социальное воспитание; национальное воспитание.

Мокшина Надежда Григорьевна, к. пед. н., доцент

*Елабужский институт Казанского федерального университета
mokshinang@mail.ru*

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО®

Василий Васильевич Зеньковский (1881-1962) вошел в русскую науку и культуру на рубеже XIX и XX веков, в эпоху философско-религиозного и педагогического Ренессанса. Предпосылки последнего он видел в русской классической педагогике. «К. Д. Ушинский и Л. Н. Толстой – величайшие педагогические писатели XIX века в России – оказали огромное влияние на русскую педагогику в XX веке. Первый завещал идею органического синтеза в педагогике, второй выдвинул тот мотив, который сыграл такую огромную роль в педагогике XX века, – мотив свободы» [11, с. 4]. Идеи свободы, целостности личности и примата воспитания, по убеждению В. В. Зеньковского, становятся определяющими в русской педагогике XX века.

В. В. Зеньковский заявил о себе и в России, и в Российском Зарубежье как оригинальный мыслитель, отличающийся многогранностью научных интересов. В их кругу – философия и логика, психология и педагогика, культура и литература, школа и церковь, богословие и пастырство... Несомненно, во все времена и на всех этапах жизни В. В. Зеньковского интегральным началом его научных исканий была философия, сквозь